

Удивительная история секса. Взгляд сквозь века на одну из самых табуированных тем человечества

Автор:

[Кейт Листер](#)

Удивительная история секса. Взгляд сквозь века на одну из самых табуированных тем человечества

Кейт Листер

Подарочные издания. Психология

Доктор Кейт Листер без стеснения копается в штанах истории и знакомит читателей с фактами, которые замалчивали на протяжении столетий.

«Удивительная история секса» – любопытная и порой шокирующая книга о том, что мы делаем с собой и друг с другом в поиске (или отрицании) всемогущего оргазма.

В книге присутствует нецензурная брань!

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Кейт Листер

Удивительная история секса. Взгляд сквозь века на одну из самых табуированных тем человечества

© Новикова Т., перевод на русский язык, 2022

* * *

Посвящается моей семье

(уж простите!)

Вступление

Эмоции, не нашедшие выражения, никогда не умирают. Их хоронят живыми, и они восстают из могил в самом отвратительном виде.

Зигмунд Фрейд

Секс – один из величайших универсальных уравнителей. Перефразируя маркиза де Сада в исполнении Джеффри Раша, можно сказать: «Мы едим, спим, срем, трахаемся и умираем». Желание стирает границы культуры, пола и класса. Ему нет дела до наших «правил», и, что подтвердит любой, кого хоть раз застигали без штанов, еще меньше дела ему до здравого смысла. Конечно, человечество не только ест, срет и трахается – в отличие от животных, у нас есть еще интеллект. И в этом кроется проблема. Сказать, что люди слишком много думают о сексе, будет серьезным преуменьшением.

Вся жизнь на планете основывается на желании размножения, но людям свойственна бесконечная сложность и разнообразие способов удовлетворения сексуальных желаний. В книге «Судебно-медицинские и медико-юридические аспекты сексуальных преступлений и необычных сексуальных практик» (2008) профессор Анил Аггравал перечислил 547 различных половых аберраций и отметил, что, «подобно аллергии, сексуальное возбуждение может возникнуть от всего, что есть под солнцем, в том числе – и от самого солнца». И на случай, если вам интересно, скажу, что сексуальное возбуждение, вызванное солнцем,

называется «актикрастия».

Люди – единственные существа, которые стигматизируют, наказывают и испытывают стыд в связи с сексуальными желаниями. У животных есть брачные ритуалы, но ни один зверь не отправится к психотерапевту, потому что ему хочется использовать латексный фетиш. Пчелиная матка за один раз приманивает до сорока партнеров и возвращается в улей, истекая спермой и сжимая в лапках их откушенные члены, но ни одна рабочая пчела не назовет ее шлюхой. Самцы павианов развлекают друг друга целый день и не боятся, что их отправят в лагерь по перевоспитанию геев. Но люди испытывают чувство вины из-за своих желаний, и эта вина парализует. Тех, кто нарушает «правила», ждут жестокие наказания.

Колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес однажды отметил, что «каждый из нас живет тремя жизнями: публичной, приватной и тайной». Парадоксально, но именно в тайной жизни мы оказываемся честнее всего. И эту честную сторону собственной личности мы храним в глубокой тайне, потому что созданные нами же системы считают ее несовместимой с жизнью публичной и приватной. Пытаясь контролировать свою тайную жизнь, люди превратили секс в моральную проблему и создали сложные социальные структуры, регулирующие свои собственные стремления. Для контроля мы придумали различные категории: геи, гетеросексуалы, моногамия, девственность, промискуитет и т. п. Но сексуальность не вписывается в выдуманные рамки, она выплескивается наружу, и возникает полная неразбериха. Желания, которые мы подавляем, превращаются в опасную границу, окружающую шаткие конструкции морали, этики и приличий. Но как только нам на глаза опускается розовый туман, мы готовы пережить даже землетрясение – лишь бы испытать оргазм.

С того момента, когда люди впервые узнали, что такое секс, сам акт ничуть не изменился. Пенисы, языки, пальцы проникают во рты, вульвы и анусы – стоило человеку выбраться из первобытной слизи, и он тут же устремился к оргазму. Иным стал лишь социальный сценарий, определяющий культурное понимание и исполнение секса. Например, по данным крупнейшего порнографического сайта Pornhub, с момента запуска системы в 2007 году самым популярным поисковым запросом во всем мире стали «лесбиянки». За период с 2016 по 2018 год в Нидерландах количество таких запросов выросло на 45 процентов. Следовательно, можно предположить, что голландцы весьма увлечены лесбийской любовью. Но так было не всегда. С 1400 по 1550 год в Нидерландах за «женскую содомию» было сожжено заживо пятнадцать женщин. Те, кому

жизнь все же сохранили, подверглись очень жестоким наказаниям. В 1514 году в Брюгге были публично выпороты Мертина ван Кейшот и Жанна ван ден Стене. Им сожгли волосы и изгнали из города за совершение противоестественного греха содомии с несколькими юными девушками. И вот, шестьсот лет спустя, «противоестественный грех содомии с несколькими юными девушками» стал самым популярным порносюжетом у потомков тех самых людей, которые считали возможным отправлять лесбиянок на костер.

Запросы «порно для женщин» на Pornhub в 2018 году выросли на 359 процентов, и в том же году женщины смотрели лесбийскую порнографию на 197 процентов чаще, чем мужчины. Это должно было бы шокировать доктора Уильяма Актона (1813–1875), который утверждал, что «большинство женщин (к счастью для них) не слишком озабочены сексуальными чувствами любого рода». Остается только гадать, какой вывод из всего этого сделал бы редактор Sunday Express Джеймс Дуглас (1867–1940). В 1928 году Дуглас жестоко раскритиковал лесбийский роман «Колодец одиночества» Рэдклифф Холл. Он заявил, что эта «эпидемия губит молодое поколение, рушит юные жизни и растлевает юные души». Дуглас призывал общество «очиститься от проказы этих прокаженных». Тем не менее прошло девяносто лет, и миллионы женщин во всем мире оказались вполне готовыми к такой «эпидемии», а общение с ними не повредило прокаженным душам. Какое прекрасное время наступило!

Эта книга рассказывает о том, как на протяжении веков менялось отношение к сексу. Это любопытная история секса и того, что мы делаем с собой и друг с другом в стремлении (или отрицании) к всемогущему оргазму. Конечно, это не полное исследование всех сексуальных причуд, забав и ритуалов разнообразных культур – для этого потребовалось бы составить целую энциклопедию. Это лишь капля в океане, лодочка, скользящая по поверхности истории секса. Но, я надеюсь, вам все равно будет интересно. Я попыталась выбрать темы, которые обеспечивают ценный контекст современных проблем, особенно – проблем пола, сексуального стыда, красоты, речи и регулирования желания. Я выбрала темы, близкие моему сердцу (например, историю сексуальной работы), темы глубоко эмоциональные (аборты) и то, что меня насмешило (например, «складчатый хлеб», или оргазм на велосипеде). Посмеяться над глупостями, в которые верили люди на протяжении истории (и я надеюсь, что вы это сделаете вместе со мной), легко, однако намного полезней понять, насколько похожи мы на тех, кто жил до нас, и пересмотреть некоторые собственные убеждения. Секс по-прежнему продолжает разделять мир. Нередко это вопрос жизни и смерти. Отношение к теме секса постоянно меняется – надеюсь, к лучшему. Но нам никогда не освободиться от стигмы и стыда, пока мы не поймем, откуда вышли.

Хочу сказать пару слов о языке. С сексом связано немало бранных слов, и здесь мы вступаем на опасную территорию. Эта книга рассказывает об историческом отношении к вопросам секса и пола. Наши предки не понимали гендерной текучести, считали пол бинарным и биологически определенным. В результате в историческом материале, использованном в этой книге, женщинами называют тех, у кого есть вульва, а мужчинами – обладателей пенисов. Например, в главе, посвященной истории слова «киска», «киской» называются женские гениталии. Сегодня мы знаем, что у некоторых женщин «киска» есть, а у некоторых – нет, равно как и у мужчин. Но наши предки не рассматривали пол и биологию в таком свете – для них «киска» означала исключительно женские гениталии. Даже если сегодня это звучит оскорбительно, нам нужно понять историческое отношение к гендерной идентичности и сексуальной морфологии. Только так можно в полной мере понять, каким образом гетеронормативность и бинарные конструкции мужского и женского начала стали сегодня доминировать в культурном нарративе.

Сленг, использованный в этой книге, является чисто историческим, и я обычно называю даты, когда эти слова впервые появились в письменных материалах. Основным источником исторического сленга для меня стал словарь Jonathon Green's Dictionary of Slang. Если захотите узнать больше, то лучше этой книги вам не найти.

Секс и слова

«Как жаль, что она шлюха»

Шлюха на Whores of Yore

Речь – это важнейшее поле боя в борьбе за социальное равенство.

Лингвист Дэниел Чендлер писал так: «Язык формирует наш мир, а не просто фиксирует или маркирует его». Язык – среда гибкая и податливая. Он не только выражает социальное отношение к чему-либо, а отражает его. Чтобы понять

эволюцию языка, достаточно взглянуть на слова, которые некогда широко использовались для описания людей другой расы: «полукровка» – совершенно приемлемое в прошлом обозначение человека смешанного расового происхождения, или «цветной» – как повсеместно называли темнокожих. Эти слова не считались оскорбительными – обычное описание. Их можно услышать и сегодня – к счастью, намного реже. Но, как только нарушаются смысловые структуры подобных определений, слова начинают создавать новую реальность. Человек-«полукровка» по умолчанию не обладает цельностью: он наполовину сформирован, наполовину сделан, он наполовину человек, его нельзя считать полноценным и равным. «Цветной» метафорически окрашен, то есть предполагается, что оригинальное состояние человека – не окрашенное (то есть белое). Такое определение подчеркивает различие и молчаливо поддерживает расовую иерархию. Мы не задумываемся о последствиях подобных выражений, но описание человека как наполовину сформированного закрепляет отношение к нему. Прочитаем еще раз Чендлера: «Язык творит нашу реальность, а не просто фиксирует ее».

Язык, который отражает степень гуманизации отдельного человека или общества в целом, постоянно находится в процессе развития. Нам всем надоели разговоры о политкорректности, однако придется признать, что невозможно достичь социального равенства, пока язык, используемый для описания маргинализированных групп, лишь усиливает стигму. Слова, которые мы выбираем, – это основа бесконечных споров о правах ЛГБТ, эйджизме, физических и гендерных проблемах.

«Вавилонская блудница», иллюстрация из Библии Лютера, издание 1534 года

Отрицание оскорбительных терминов – это лингвистическое минное поле, где не существует писанных правил, хотя всем эти правила прекрасно известны. «Пидор», «шлюха», «стерва» – все эти термины являются инклюзивными и могут даже выражать симпатию, когда употребляются внутри конкретных групп. Как гетеросексуальная белая женщина, я не могу назвать мужчину-гея «квиром», но свою подругу «стервой» – вполне. Мужчина-гей может себе это позволить (впрочем, это тоже довольно опасная тема), а гетеросексуальный мужчина – нет. Когда оскорбительными терминами пользуются люди, некогда подвергавшиеся

стигматизации, это акт самозащиты. Человек перехватывает властную инициативу у угнетателя, укрепляет ранее подавляемую идентичность и показывает неполиткорректный жест истеблишменту. Конечно, можно сказать, что подобные слова, используемые в любом контексте, лишь подкрепляют предубеждение, поскольку не могут освободиться от исторического багажа: они создают реальность, а не просто фиксируют ее. Слово «шлюха» в различных группах, связанных с сексуальными услугами, сегодня тоже обретает новый смысл. Хотя многие люди полностью его отрицают.

На самом деле я не должна была бы использовать слово «шлюха» на сайте Whores of Yore. Это не мое слово. Если вы не оказываете сексуальных услуг, то это и не ваше слово тоже. Это оскорбительный термин, с которым сексуальные работницы сталкиваются ежедневно – когда их хотят унижить и оскорбить, и я, разумеется, никак не могу такое одобрить и поддержать. Я обращаюсь к слову «шлюха» для описания греховной сексуальности (равно как и «потаскуха» или «шалава»), а вовсе не для обозначения женщины, занимающейся сексом за деньги. Мне всегда казалось, что это слово обозначает нечто большее. Многие сексуальные работницы спрашивали меня, почему я выбрала именно его, и какое-то время я всерьез размышляла об альтернативных вариантах. Но история слова «шлюха» чрезвычайно важна, и я хочу это подчеркнуть. Немецкий драматург Георг Бюхнер (1813–1837) однажды сказал, что «свобода и шлюхи – это самые космополитические выражения под солнцем». Но что в действительности означает слово «шлюха»? Откуда оно появилось? Что должен сделать человек, чтобы заслужить такое прозвище? Почему Жанну д'Арк, погибшую девственницей, называли «Французской Шлюхой»? И почему католики прозвали «Английской Шлюхой» своего главного врага – Елизавету I, «королеву-девственницу»? Французские революционеры окрестили «Австрийской Шлюхой» Марию-Антуанетту, «Великой Шлюхой» называли Анну Болейн, а сторонники Трампа характеризовали так Хиллари Клинтон во время президентской кампании 2016 года. И даже если нам кажется, что мы совершенно точно представляем, что имеем в виду, когда произносим это слово, его исторический и культурный багаж все же гораздо сложнее. Более тысячи лет это короткое слово использовалось для контроля и унижения женщин путем стигматизации их сексуальности.

Слово «шлюха» настолько древнее, что его происхождение теряется в тумане времен. Английское whore вполне может происходить от древненорвежского hoga (блудница). От этого слова пошли также датское hore, шведское hoga, голландское hoer и старогерманское huora. Если уйти еще дальше, в протоиндоевропейский язык (общий предшественник индоевропейских языков),

то корни слова whore мы находим в q?r, что означает «любить, желать». Именно здесь кроются корни всех слов, обозначающих «любимых», – латинское carus, древнеирландское cara и древнеперсидское kama (что тоже означает «желать»). Whore – не универсальное слово. У аборигенов Австралии, коренных гавайцев и индейцев Америки такого слова (как, впрочем, и самого понятия проституции) попросту нет.

С XII века слово whore приобрело негативный смысл – шлюхами называли сексуально распущенных женщин, независимо от того, были они сексуальными работницами или нет. В XIII веке Томас Чобэмский обозначал так любую женщину, которая занималась сексом вне брака (поднимите руки все, кто только что узнал, что в XIII веке их называли бы шлюхами). Шекспир почти сто раз использовал это слово в своих пьесах, в том числе в «Отелло», «Гамлете» и «Короле Лире». Но слово это относилось не к тем, кто занимался сексом за деньги, а к сексуально распущенным женщинам. В «Белом дьяволе» (1612) Джона Уэбстера говорится о женщинах дурного поведения. В одной яркой сцене Монтичельзо говорит о шлюхе так:

Что есть распутница? О, непременно

Я дам подробнейший портрет:

Еда, что разлагает евших, а для ноздрей —

Отравленный дурман, обман алхимика,

В штиль – кораблекрушенье. Что есть распутница?

То зимы русские, бесплодны так,

Что, кажется, земля весну забыла,

То воплощенье адского огня,

Злых нидерландских сборщиков налогов,

Что вымогают мясо, платье, сон.

О, на погибель людям этот грех,

Столь хрупок, зыбок, как закон,

Что прав лишает и владенья

За пропуск звука в изречениях.

Что есть блудница? Звон призывный

Колоколов. Вот только песнь у них одна —

Поди пойми: к венчанью иль к могиле.

Добытые разбоем, грабежом и разоренные

Набегом дерзким бунтовщиков, гораздо хуже

Они тех трупов, что отринул эшафот

Иль режут лекаря. Да, видят люди,

В чем их порок. Определить блудницу!

Их ценность, как и у монет поддельных.

Кто первый выбил – принесет беду,

Кому всучит[1 - Перевод с английского И. А. Аксенова и Т. Н. Потинцевой.].

Кардинал Монтичельзо не говорит открыто, но в его словах чувствуется страх перед женщинами, он боится, что они могут взять верх над мужчинами, «открыть мужчине то, что он несовершенен». Таким образом, шлюха – это не сексуальная работница, а женщина, обладающая властью над мужчиной, за что ее следует любой ценой принудить к молчанию и позору.

Исторически слово *whore* использовалось для нападок на тех, кто нарушал статус-кво и отстаивал собственные права, стараясь выйти из-под сексуального контроля и доминирования. Но, в отличие от слова «проститутка», слово «распутница» означало не профессию, а осуждаемое моральное поведение. Вот почему многих женщин, обладавших властью – Мэри Уоллстонкрафт, Фулан Дэви и даже Маргарет Тэтчер, – называли «шлюхами» вне связи с сексуальностью. Смысл заключался в том, чтобы опозорить, унижить и подчинить. Шлюхой могут назвать как обычную женщину на улице, так и мирового лидера – и в этом отношении женщине-лидеру еще тяжелее.

Сегодня «шлюха» – это грязное оскорбление. На заре же современности это слово считалось серьезным преступлением, распространением порочащих слухов, за что вполне можно было оказаться под судом.

Примеры «неженственной речи» из «Нового искусства тайны сплетен», 1770

В 1664 году Анна Благг заявила, что Анна Натсфорд назвала ее «злой шлюхой». В 1667 году бедная Изабел Якли пожаловалась на соседа: тот назвал ее «шлюхой», которую можно «трахать за кучку рыбы на один пенни». В 1695 году жительница Лондона Сьюзен Таун обвинила Джейн Адамс в том, что та кричала ей: «Выходи, грязная шлюха, и почеси свою паршивую задницу, как и я!» В 1699 году Изабел Стоун из Йорка вчинила иск Джону Ньюболду за то, что он называл ее «шлюхой, дрянной шлюхой и злой шлюхой... стервой и паршивой стервой». А в 1663 году Роберт Хейворд предстал перед судом в Чeshire за то, что обозвал Элизабет Янг «соленой шлюхой» и «грязной шлюхой». В суде он заявил, что может доказать: Элизабет – настоящая шлюха, и ей следует сидеть дома и «смывать пятна со своего платья».

Чтобы подтвердить факт клеветы, нужен был свидетель оскорбления, а для доказательства несправедливости обвинения требовался другой свидетель, который этот факт опроверг бы и показал, каким образом эта клевета испортила репутацию женщины. Наказания за клевету могли быть различными – от штрафа и публичного обвинения до отлучения от церкви (хотя такое случалось крайне редко). В 1691 году клеветник Уильям Холливелл был приговорен к публичному извинению перед Питером Ли в приходской церкви:

«Я, Уильям Холливелл, позабыв свой долг любви и милосердия перед моим соседом, произнес и напечатал несколько оскорбительных и клеветнических слов о Питере Ли и против него... Признаю, что слова эти были оскорбительными и несправедливыми... Я глубоко раскаиваюсь и признаю, что несправедливо его оскорбил».

Слово «шлюха» считалось особенно оскорбительным, поскольку пагубно влияло на ценность женщины на брачном рынке. Поэтому, когда в 1685 году Томас Эллертон назвал Джудит Глендеринг «шлюхой», которая шляется «от амбара к амбару» и «от лудильщиков к скрипачам», он не просто оскорбил эту женщину,

но еще и помешал ей найти мужа. В 1652 году Сисели Педли заявила, что ее называли «шлюхой», чтобы «помешать ее браку с добрым человеком». Оскорбление могло разрушить деловую репутацию. В 1687 году мировой судья постановил наказать человека, назвавшего жену хозяина постоянного двора «шлюхой», поскольку это оскорбление повлияло на торговлю.

В суд часто обращались мужья женщин, которых называли шлюхами. Это было смертельное оскорбление – страдала не только женщина, но и ее муж. Муж автоматически становился рогоносцем, неспособным сексуально удовлетворить свою жену. Так, например, в 1685 году Абрахама Бивера обвинили в том, что он заявил Ричарду Виннеллу: «Шагай домой, рогоносец! Там Томас Фокс развлекается с твоей женой в твоей постели!»

Хотя мужчины реже обращались в суд с исками о клевете, но иски эти тоже часто носили сексуальный характер. В 1680 году Томас Ричардсон подал в суд на жительницу Лондона Элизабет Эборн: та сказала, что его пенис «изъеден оспой». Мужчин называли «рогоносцами», «ублюдками», «распутниками». Один из них оскорбился тем, что его называли «ревнивым болваном и задницей». Мужчины, ославленные как воры, попрошайки или пьяницы, тоже нередко искали защиты у правосудия. Так, например, в 1699 году Томас Хьюитсон предстал перед судом Йорка за то, что назвал Томаса Дэниела «нищим попрошайкой»: «он был попрошайкой и ходил по графству от дома к дому, выпрашивая милостыню».

К концу XVII века количество дел о клевете в церковных судах значительно сократилось. Историки давно спорят о причинах такого явления. Возможно, с ростом городов и городского населения суды стали рассматривать больше дел о реальных преступлениях, а не о женских сплетнях и раздорах. Или произошел некий культурный сдвиг, и людям больше не приходило в голову идти к судье из-за бытовых оскорблений. К 1817 году английский закон гласил: «Если кто называет замужнюю или одинокую женщину шлюхой, это ненаказуемо, поскольку блуд и прелюбодеяние являются предметом духовного, а не мирского осуждения».

Как показано на графике, с XVII века пресловутое слово стало использоваться значительно реже. До конца XVII века оно оставалось юридическим термином – он встречается в 163 делах, рассмотренных в Олд Бейли с 1679 по 1800 год. Историк Риктор Нортон проанализировал, каким образом в юридической терминологии «шлюху» вытеснила «проститутка», то есть женщина, которая

занимается сексом за деньги. Я подозреваю, что резкое сокращение использования слова «шлюха» в конце XVII века связано с лингвистическими изменениями – термин этот из юридического стал просто оскорбительным.

Google Nigram Viewer: Частота использования слова «whore» в английской литературе с 1500 по 2008 год

Сегодня слово «шлюха» встречается исключительно в грубой и оскорбительной речи. Однако, как и слово «распутница», оно переживает определенное возрождение и может быть использовано, чтобы бросить вызов обществу – оспорить позор, которым слово это покрывали сотни лет. Возможно, «шлюха» – слово оскорбительное, но корнями своими оно уходит в страх перед женской независимостью и сексуальной самостоятельностью. Если сначала распутницами называли женщин, у которых были свои сексуальные желания, то потом то же самое слово превратилось в оскорбление, покрывающее позором такие желания. Эти перемены отражают изменение культурного отношения к женской сексуальности. Я использую слово «шлюха» не в оскорбительном смысле. Я говорю о тех женщинах, которые осмелились пренебречь культурными условностями и стать «распутницами». Я хочу избавить это слово от ауры позора. Я употребляю его как напоминание о том, что наша речь постоянно развивается и формирует наше отношение друг к другу. В исторической перспективе, если у вас есть сексуальные желания, вы – распутница; если занимаетесь сексом вне брака, вы – шлюха; если вы самостоятельны и угрожаете «мужчине» – тоже. То есть, с какой стороны ни посмотри, все мы – настоящие шлюхи.

«Грязное название для грязной вещи»

История киски

Мне нравится слово «киска». Мне нравится в нем все. Оно не просто обозначает вульву, вагину и гениталии (все это не менее важно, и мы к этому скоро

вернемся), но мне нравятся оральные и визуальные сигналы «киски». Мне нравится простота слова, и я просто обожаю его звучание.

Я люблю это слово – оно восхитительно грязное, бесконечно смешное и, как восклицательный знак в предложении, может мгновенно остановить любой разговор. Уолтер Керн называл слово cunt «атомной бомбой английского языка», и он был совершенно прав. Мне нравится гибкость этого слова. В Америке оно абсолютно оскорбительно, тогда как в Глазго вполне может быть знаком любви и симпатии: «Я люблю тебя, мокрая киска!» – в детских садах Глазго вы запросто можете услышать такое воркование. Шотландцы вообще обладают поразительной лингвистической сноровкой в обращении с этим словом. В романе Ирвина Уэлша «На игле» 1993 года это слово встречается 731 раз (хотя в фильм вошло всего девятнадцать).

Гюстав Курбе «Происхождение мира», 1866

Но больше всего мне нравится прозрачная сила этого слова. Меня поражает его нечестивый статус – как пишет Кристина Колдуэлл, это «грязнейшее из всех грязных слов». Впрочем, этот «почетный» титул в английском языке оспаривают и другие слова – и лидируют здесь расовые оскорбления. К примеру, известное слово на букву «Н» глубоко оскорбительно в силу исторического контекста. Это не просто описание – слово использовалось для расчеловечивания чернокожих и оправдания любых жестокостей по отношению к ним. Оно связано с порабощением и угнетением миллионов людей и лингвистически лишает чернокожих равенства с белыми. То есть вполне можно понять, почему расовые определения считаются страшно оскорбительными, но «киска»? Разве не удивительно, что одно из самых «грязных» слов в английском языке обозначает всего лишь вульву? И что оно находится в одном ряду с расистскими терминами, связанными с худшими проявлениями человеческой жестокости? Насколько мне известно, «киска» не имеет никакого отношения к расовому геноциду, поэтому возникает вопрос: почему это слово считается настолько оскорбительным? Чем провинилась «киска»?

Давайте сначала обратимся к этимологии. Cunt – слово древнее. Настолько древнее, что точное его происхождение теряется в глубине веков, и этимологи все еще продолжают спорить, откуда оно взялось. Без сомнения, этому слову никак не меньше нескольких тысяч лет – его историю можно проследить до древненорвежского kunta и протогерманского kunt, но более ранние истоки нам неизвестны. Созвучные слова встречаются в большинстве германских языков: kutte, kotze и kott в немецком, kunta в шведском, konte, kut и kont в голландском. В английском некогда встречалось слово cot (мне оно страшно нравится и явно заслуживает возрождения). Споры продолжаются: ученые так и не пришли к общему мнению о том, что на самом деле означает слово cunt. Некоторые этимологи считают, что его корни лежат в протоиндоевропейском звуке «gen/gon», что означает «создавать, становиться». Корень gen мы встречаем в современных словах «гонады», «гениталии», «генетика», «ген». Другие теоретики полагают, что слово cunt происходит от корня gune, то есть «женщина» – этот корень мы встречаем в слове «гинекология». Более всего увлекает этимологов корень «си». «Си» связан с женским началом и является основой слов cow (корова) и queen (королева). «Си» связан с латинским cunpus (вульва) – которое очень созвучно слову cunt (хотя некоторые исследователи эту связь отрицают), и от него берут свое начало французское соп, испанское со?о, португальское сопа и персидское kun (). Моя любимая теория: «си» означает «иметь знание». Cunt и cunning (хитрость, лукавство) явно произошли от одного корня: изначально слово cunning означало «мудрость» или «знание», а вовсе не коварное лукавство. «Can» и «ken» стали приставками к cognition и другим производным. Сегодня в Шотландии можно услышать глагол ken, то есть «понимать». В Средние века quaint означало и «знание» и «киску» (но чаще – именно «киску»). Споры продолжаются, но смысл остается прежним: cunt – это нечто загадочное.

Вот что мы имеем: cunt – древнейшее слово в английском языке (и, возможно, самое древнее в Европе), обозначающее вульву или вагину. Соперничать по древности с «мальчиком в лодке» (клитор, 1930) могло бы только слово yoni (вульва, источник или матка). Английский язык позаимствовал слово yoni из древнего санскрита примерно в 1800 году, и сегодня оно широко используется в различных неодоуховных группах, которые надеются, что, называя части своего тела древним словом, они смогут избежать ужасов современной грубости. Конечно, это смешно, поскольку cunt и yoni вполне могут происходить от одного и того же протоиндоевропейского корня. Более того, слово cunt должно быть гораздо ближе феминисткам, чем вагина или вульва.

Слово «вагина» появилось в медицинских текстах в XVII веке. Оно происходит от латинского *vagina*, то есть «ножны». Вагина – это нечто такое, куда входит меч; отсюда и этимологическая функция – быть хранителем меча (пениса). Смысл и функция слова целиком зависят от пениса. Отсюда и старинные названия – *cock alley* (переулок пениса) (1785) или *pudding bag* (сумка для пудинга) (1653).

Многие хитроумные лингвисты придают своим поговоркам иной смысл, используя путаницу между вагиной и вульвой: если быть точным, то вагина – это мышечный канал, соединяющий матку с вульвой, а вульва – внешние органы (лобок, большие и малые половые губы, клитор, преддверие вагины, малые и большие железы преддверия). Понятие вульва появилось в конце XIV века и происходит от латинского *vulva*, что означает «матка» – некоторые считают корнем другое латинское слово, *volvere*, то есть «окутывать». В словаре 1538 года Томас Элиот дает такое определение вульвы: «матка или мать любой самки животного, а также мясо из чрева опоросившейся или супоросной свиньи, которое так любят римляне». Итак, мы с вами снова пришли к тому, что смысл слова «вульва» связан с проникновением в нее пениса – или с сомнительной частью туши супоросной римской свиньи.

Слово *cunt* появилось раньше всех этих терминов и происходит от протоиндоевропейского слова, означающего «женщина», «знание», «творец» или «королева» – согласитесь, значение более сильное, чем просто «футляр для члена». Кроме того, *cunt* – это абсолютно все, и изнутри, и снаружи. Когда речь идет об этом понятии, нам не нужно копаться в лобковых волосах. Такие слова, как «вульва» и «вагина», – это всего лишь лингвистические усилия по поиску более «культурных», медицинских альтернатив слову *cunt*. А если моих слов недостаточно, чтобы сделать вас сторонником этого термина, скажу, что в 1500 году Винкин де Ворд определял слово «вульва» так: «в английском языке так называют *cunt*». Следовательно, мы имеем дело с праматерью всех слов, объединенных общим смыслом. Но тогда возникает вопрос: всегда ли это слово считалось таким же оскорбительным, как сейчас?

Ответ очень прост: не всегда. В Средние века это было простое описание, слегка скабрзное (как и должно быть), но уж точно не оскорбительное. Это слово попало в словарь Ворда и медицинские тексты, что говорит о самой обычной его природе. В XVI веке Джон Холл переводил медицинский текст миланского врача Ланфранка *Chirurgia Parua Lanfranci* и тоже не чуждался использовать его: «у женщин шейка мочевого пузыря короткая и соединена с *cunte*». Самое раннее упоминание этого слова в Оксфордском словаре относится к 1230 году: лондонская улица в квартале красных фонарей Саутворк носила восхитительное название *Gropecuntelane*. На этой улице занимались именно тем, что следовало

из названия: улица для щупанья «кисок». Такие улицы и переулки (Grapsunt, Gropresuntelane, Gropcunt Lane) имелись во многих городах средневековой Британии. Кейт Бриггс обнаружил их в Оксфорде, Йорке, Бристоле, Нортгемптоне, Уэлсе, Грейт-Ярмуте, Норвиче, Виндзоре, Стеббинеге, Ридинге, Шерсхилле, Гримсби, Ньюкасле и Бэнбери. К сожалению, сегодня все эти улицы переименованы – они превратились в Grape Lane или Grove Lane.

В Средние века словом cunt шотландцы называли своих друзей, а англичане – детей. Но со временем слово это превратилось в «грязное название для грязной вещи». Впрочем, от него произошло множество средневековых фамилий (хотя, скорее всего, это были прозвища): Годвин Клоуканте (1066), Ганока Кантлз (1219), Джон Филлкант (1246) и Роберт Кливкант (1302). И если возможность встречи с мисс Ганока Кантлз на Гроупкантлейн кажется вам недостаточно любопытной (а должна была бы), скажу, что в норфолкских приходских книгах в 1328 году записана некая мисс Бель Вайдкант (wide – широкий)! Расселл Аш изучал забавные английские имена и фамилии. Он обнаружил, что в XIX веке в Англии жило целое семейство с фамилией Cunt – Фанни Кант (родилась в 1839 году), ее сын, Ричард Дик Кант, и дочери, Элла и Вайолет Кант.

В средневековой литературе случаев употребления этого слова тоже предостаточно. В «Притчах Хендинга» (ок. 1325) есть такой совет молодым девушкам: «Искусно береги свою «киску» и уступай только после свадьбы».

Джон Спид, карта Оксфордшира и Оксфордского университета, 1605. Улица Гроупкантлейн показана синим цветом

Уэльский поэт XV века Гверфул Мекэн советовал собратьям-поэтам воспевать «занавес над прекрасной, яркой «киской», который «хлопает в знак приветствия». Средневековое общество было гораздо более сексуально раскрепощенным, чем мы считаем, и «киска» не считалась словом оскорбительным, потому что и сам секс оскорбительным не считался. Конечно, речь не идет об утопии тотального сексуального раскрепощения, однако люди Средневековья не ходили в поясах целомудрия, как пытается нас заставить думать популярная мифология. Секс был источником юмора и эротики, основой

супружеской жизни. Считать секс чем-то нечистым стали не так уж давно.

Шила-на-гиг XII века. Скульптура на церкви в Килпеке, Херфордшир, Англия

В определенный момент произошел сдвиг табуированной речи: если раньше главным табу было богохульство, то потом это место заняли телесные функции, на смену которым теперь приходят вопросы расовой принадлежности. В Средние века самые тяжелые наказания ожидали человека за богохульство. Если бы вы прищемили мягкую плоть молнией в XIII веке, то большее, что смогли бы произнести, это «зубы Господни», «раны Господни» или «очи Господни». «Киска» же оставалась обычным описанием, подходящим для всех ситуаций и случаев. Люди не искали эвфемизмов, не пытались замаскировать что-то медицинскими терминами, не прибегали к юмористическому гротеску – «киска» была «киской».

Одним из средневековых писателей, который сбросил «кисочную» бомбу с точностью военного дрона, был Джеффри Чосер (1343–1400). В «Кентерберийских рассказах» и «Доме славы» он использует не cunt, а queynte. Но читателю не приходится долго раздумывать над смыслом странного слова:

Ну, так бери же всю и без остатка,

Но и расплачивайся, если сладко.

От *ma belle chose*, ее пусти лишь в торг,

Все покупатели пришли б в восторг.

Самую знаменитую шутку Чосера, связанную с «киской», мы находим в «Истории мельника», где *queynte* означает одновременно и «знание» и «киску» (помните, мы говорили о сходстве между словами *cunning* и *cunt*?)

Но дальше – больше, волю дал рукам

(Умел он ублажать девиц и дам):

«О, утоли любви моей томленье,

Непереносны от тебя мученья!»[2 - Пер. И. Кашкина.]

Синоним quaint использовался и в других книгах. В итальяно-английском словаре 1598 года Джон Флорио использует его в качестве синонима к слову cunt.

Игривое двойное значение слова quaint встречается также в стихотворении Эндрю Марвелла «К стыдливой возлюбленной»:

Поверьте, красота не возродится,

И стих мой стихнет в каменной гробнице;

И девственность, столь дорогая вам,

Достанется бесчувственным червям.

Там сделается ваша плоть землею,

Как и желанье, что владеет мною[3 - Пер. Г. Кружкова.]

Можно предположить, что и Уильям Шекспир в сонете XX (1609) использовал слово «acquaint» в качестве игры слов «quaint» и «cunt». Вообще, надо признать, что если кто и умел использовать cunt в комическом контексте, так это Шекспир. Возьмем, к примеру, «Гамлета». Во второй сцене третьего акта Гамлет спрашивает Офелию: «Леди, можно к вам на колени?» Офелия отвечает: «Нет, милорд». Гамлет спрашивает: «Вы думаете, у меня были грубые мысли?» («Do you think I meant country matters?») Когда Дэвид Теннант играл Гамлета, он специально выделял первый слог, чтобы подчеркнуть двусмысленность выражения «Cunt-ry matters». В «Двенадцатой ночи» (акт II сцена 5) Мальволио так описывает почерк своей хозяйки: «Клянусь жизнью, это рука госпожи: это ее эры, ее эли; а так она пишет большое П. Тут не может быть и вопроса, это ее рука». Репутация великого барда была слишком высока, и эти вольности были ловко замечены культурологами под коврик, но в пьесах Шекспира немало двусмысленностей и весьма соленых шуток. В 1807 году шокированный Томас Бaudлер недрогнувшей рукой вычистил все грубости, чтобы Шекспира могли читать женщины и дети – так появилось издание «Шекспир для семейного чтения». Естественно, ни одной «киски» там не осталось. Кроме того, в «Гамлете» Офелия не совершает самоубийства, из «Генриха IV» напроць исчезла проститутка Долль Тершит, а в «Ромео и Джульетте» пикантная фраза Меркуцио «сводня-стрелка указывает острием на полдень» превратилась в самую простую

«стрелка показывает на полдень». Отсюда в английском языке появилось выражение «баудлеризация», то есть удаление из текста фраз, которые могут показаться сомнительными.

«Киска» постоянно фигурировала в откровенных балладах современников Шекспира. Они не считали нужным маскировать свои двусмысленности. Пьетро Аретино в «Рассуждениях Нанны и Антонии под фиговым деревом» (1534–1536) призывает читателей отказаться от цветистых эвфемизмов и говорить напрямую: «Пожалуйста, говори по-человечески, то есть называй своим именем и «ху», и «пи», и «жо», потому что только члены Ученой Академии способны понять, что это такое – парадный вход и черный, гвоздь в дыре, порей на грядке, засов на двери, ключ в скважине, пестик в ступке, соловей в клетке, черенок в ямке, ворота, клистир, кинжал в ножнах, колышек, посох, пастернак, яблочки, этот самый, эта самая, эта штука, это дело, эта история, то самое, рукоять, стрела, морковь, корень и все остальное дерьмо, которое застревает у тебя в глотке, потому что ты хочешь ходить на цыпочках в деревянных башмаках... так что впредь там, где «да», говори «да», там, где «нет», – «нет», иначе – берегись!» В шотландской пьесе «Филота» (1603) есть такая строчка: «протянул руку и схватил ее за киску». А Джон Кроуч в *Mercurius Fumigosus* (1654) воспевает «киску и добрую компанию». Но надо все же признать, что известные писатели, такие как Шекспир и Марвелл, использовали «киску» лишь в качестве пикантной приправы и старались маскировать ее разными намеками в меру возможности. Это позволяет предположить, что уже во времена Шекспира слово стало подвергаться цензуре.

Неслучайно именно в то время стали появляться первые законы по запрету сексуально непристойных материалов. Первый в Британии парламентский билль по запрету «книг, памфлетов, стихов, песен и других произведений, которые описывают распутную, богомерзкую любовь», был составлен Уильямом Ламбардом в 1580 году. Лицензионный акт 1662 года запрещал публикацию любых «еретических, подстрекательских, раскольнических или непристойных книг или памфлетов, где описываются или утверждаются любые доктрины, противоречащие христианской вере». Язык – это мощное средство социального контроля: как только секс стал подвергаться запретам, слова, связанные с ним, стали табуированными. Как можно наслаждаться сексуальностью собственных тел, не терзаясь стыдом, если слова, которыми она описывается в речи, мыслях или на бумаге, считаются непристойными? Эллис Кашмор считала, что вытеснение слова *cunt* в сферу непристойности – это результат массовой сексуальной цензуры и зарождения «скромности»: «С правилами пришли манеры, с манерами – вежливость, с вежливостью – скромность, а слово *cunt*

было связано с теми частями тела, которые всегда закрыты одеждой, следовательно, ему не осталось места в скромной речи». Особо жесткой цензуре и наказаниям подверглась женская сексуальность, а «киска» была символом того, что пуританские правила стремились подавить.

К XVII веку «киской» стали пользоваться для того, чтобы шокировать читателей, и одним из тех, кто всей душой принял эту извращенную логику, был Джон Уилмот, граф Рочестер (1647–1680), английский поэт, придворный короля Карла II. Уилмот любил дебоши и сексуальные излишества, и условности общества для него не существовали. Если парламент Кромвеля пытался подавить сексуальность, Рочестер оседлал приливную волну, которая взмыла вверх, как только пуританскому правлению пришел конец. Джеффри Хьюз прекрасно сказал о Рочестере: «Ему нравилось смотреть на мир с уровня паха».

Стихотворение Уилмота «Совет торговке “киской”» начинается так:

Тем, кто хочет быть счастливым,

Нужно быть внимательным к выбранным «киска́м»,

Иначе грозит Шипу злая болезнь,

Подагра и фистула в зад.

Свое влечение к женщине он описывал так: «Мне хочется коснуться любой части ее тела; ее рука, ее нога, весь вид ее – это «киска» (1680). Персонажей своей пьесы «Содом» (1684) он назвал «королева Кунтигратия (Cuntigratia)» и ее «служанка Кунтикула (Cunticula)». В «Прогулке по Сент-Джеймскому парку» (1672) слово cunt встречается восемь раз – поэт все сильнее ревнует свою любовницу к другим ее ухажерам:

Когда ж в п...у твою в то время

Полгорода налили семя,

То моей спермы гран на ужин,

Как чай был от обжорства нужен. В

иные дни, когда влились

В твою п...у и муть, и слизь

От плоти грузчика с лакеем

(Сей пир тобою был лелеем),

Был «кубок» мой, налитый кровью,

В еде отсрочкой – для здоровья[4 - Пер. А. В. Лукьянова – stihi.ru.].

Нам хочется видеть в стихах Рочестера воспевание сексуальности, но он испытывал сильнейший гнев и ненависть к «киска́м» и их хозяйкам. В «Содоме» он называет «киску» «грязным горшком любви» и заявляет, что «каждая, у кого есть «киска», будет шлюхой». В его стихах немало унижительных, гротескных описаний пораженных болезнью, лысых, кусающихся, диких «кисок». В «Прогулке по Сент-Джеймсскому парку» ненависть к желанным женщинам (и их гениталиям) проецируется на других мужчин, которых он называет «дворняжками», неспособными противостоять жажде «киски»:

Вот так бежит надменно сучка,

Чья любострастная трясучка

Влечет дворняжек из местечка

Своей соленой пряной течкой[5 - Пер. А. В. Лукьянова – stihi.ru.].

К XVII веку *sunt* превратилась в унижительную синекдоху для женщин, особенно для сексуальных женщин – точно так же, как некогда женщин называли «киска́ми». В 1655 году Сэмюэль Пипс писал о порошке, который заставит «всех «кисок» города бежать за ним», а в балладе 1875 года утверждалось, что «охота на «кисок» – опасный спорт».

Иллюстрация из книги «Школа Венеры, или Наслаждение женщины», 1680

К XVIII веку слово *sunt* окончательно стало считаться непристойным и оскорбительным. В «Классическом словаре вульгарного языка» (1785) Фрэнсис

Гроуз пишет, что cunt – это «грязное название для грязной вещи», и предпочитает заменять его эвфемизмом «односложное». Какая скромность со стороны человека, который свободно упоминает «гостиницу миссис Фабб», «горшок лобстеров» и другие синонимы «женского товара»! В XVIII веке стали использоваться слова cunny, производное от cunt, и quim. В романе Джона Клиленда «Фанни Хилл» слово cunt не используется. Клиленд гордился тем, что сумел написать книгу без единого грубого слова. В ежегодном альманахе лондонских проституток «Список Харриса» (1757–1797) слова cunt тоже нет – вместо него используются выражения «мшистый грот» и «холм Венеры».

Но и в XVIII веке был автор, который смело пользовался пресловутым словом, чтобы шокировать читателей. Это был маркиз де Сад (1740–1814). У него оно встречается с самыми разными определениями. Если потрясти книгу де Сада, «киски» оттуда так и посыплются. В «Философии в будуаре» мы находим такие жемчужины:

«Затем я помещу х...й в её анус, а вы предоставите мне ваш зад, который займёт место её п...ды, только что бывшей у меня перед носом. Её голова, подобно предыдущей позе, окажется теперь между ваших ног. Я буду сосать ваш зад, как я до этого сосал её п...ду. Вы кончите, и я спущу вместе с вами, но в то же время я буду обнимать прелестное маленькое тело нашей очаровательной послушницы и щекотать ей клитор, чтобы она забылась от восторга».

Сад находил удовольствие в описаниях самой извращенной порнографии, и постоянное использование сакраментального слова вместо изящных эвфемизмов «Фанни Хилл» – доказательство того, что оно стало считаться самым непристойным в западном мире.

«Красоты Фанни» (иллюстрация VIII) из «Фанни Хилл», 1766

Хотя мы называем Викторианскую эпоху временем сексуального подавления, порнография текла под внешней коркой ханжества, как река слизи в «Охотниках

на привидений – 2». Да, слово cunt оставалось абсолютно непристойным. Но именно из-за этого викторианская эротика буквально переполнена им. Полным-полно этого слова в эротических романах Розы Кут: «Похотливый турок» (1828), «Романс похоти» (1873), «Ранние опыты юного флагелланта» (1876). Не меньше их и в «Автобиографии блохи» (1887) и «Венера в Индии» (1889) «капитана Чарльза Деверо». С 1879 по 1880 год в Лондоне выходил порнографический журнал «Жемчужина», но потом он был закрыт за публикацию непристойных материалов. В журналах было великое множество лимериков, где слово cunt встречалось сплошь и рядом:

Молодой человек из Бомбея

Сварганил «киску» из глины,

Но жар его шипа

Превратил ее в кирпич,

И крайней плоти он лишился.

Юная дама из Хитчина

Чесала «киску» на кухне,

Отец сказал: «Роза,

У тебя блохи, похоже».

«Ты прав, па, жучки страшно чешутся».

В XIX веке слово cunt окончательно стало считаться «грязным». В Оксфордском словаре отмечен первый случай его использования в качестве оскорбления в 1860 году.

Лоусон Тейт «Женские болезни и абдоминальная хирургия», 1877

Пожалуй, самым важным моментом в истории этого слова в XX веке стал запрет романа Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чэттерли» (1928) и привлечение автора к суду за непристойность. В романе это слово cunt встречается 14 раз, а fuck – 40! Когда Джеральд Гулд в 1932 году писал рецензию на отредактированную версию романа, он отмечал, что «исключены были фрагменты, которым автор, несомненно, придавал исключительную психологическую значимость – они были для него настолько важны, что за них он был готов претерпеть позор, непонимание и нападки цензуры». Книга стала сенсацией не только из-за ярких описаний секса и женского сексуального наслаждения, но еще и потому, что в ней секс стирал классовые различия. Секс – один из высших уравнивателей. Несмотря на все титулы, деньги и привилегии, леди Констанс Чэттерли имела «киску». Она оставалась сексуальным существом. Сексуальное желание и наслаждение не признает классовой системы. Лоуренс сознательно пользовался сакраментальным словом, потому что только оно могло выразить страстную, первобытную сексуальность Констанс и отвергло извращенные претензии общества, которое видело в женщинах исключительно бесполок жен и матерей. Лоуренс шокировал читателей, но в то же время оставался очень нежным и страстным писателем. Для него «киска» – это нечто восхитительное и чудесное. В одной из ключевых сцен романа Меллорс рассказывает Констанс о разнице между cunt и fuck.

– Кралечка моя. Лучшей кралечки на всем свете нет.

– Что такое кралечка?

– Не знаешь разве? Кралечка – значит любимая баба.

– Кралечка, – опять поддразнила она его. – Это когда спариваются?

– Спариваются животные. А кралечка – это ты. Смекаешь? Ты ведь не скотина какая-нибудь. Даже когда спариваешься. Краля! Любота, одно слово[б - Пер. И. Багрова, М. Литвинова.].

«Призыв к любви», 1825

«Крала! Любота, одно слово» – никогда в жизни не слышала более восхитительного определения «киски». К сожалению, несмотря на все усилия Лоуренса и присяжных, которые согласились с тем, что его книга со всеми ее «кисками» имеет художественную ценность, слово это так и не вернулось в культурное общество. Джеймс Джойс лишь однажды использовал его в «Улиссе» (1922): он называл Святую землю «седой, увядшей мандой мира». (Хотя в личной эротической переписке Джойс свободно пользовался этим словом: свою жену Нору он называл «птичкой-потрахунчиком»). Американским поэтам-битникам нравилось это резкое слово. Аллен Гинзберг в «Вопле» (1956) пишет о «видении Великой П...ды». Но слово использовано здесь исключительно ради шока.

До 1971 года слово cunt не встречалось в кинематографе – оно появилось лишь в фильме «Познание плоти» с участием Джека Николсона и Энн-Маргрет. Герой Николсона, Джонатан Фюрст, кричит на Бобби (Энн-Маргрет): «Это ультиматум? Отвечай мне, ты, кастрированный сукин сын!» В «Изгоняющем дьявола» (1973) прилагательное cunting использовано дважды (cunting daughter – «сукина дочь»). Третье упоминание было вырезано из окончательного варианта фильма: в той сцене Риган говорит доктору, что он должен вытащить пальцы из ее «киски». Заметьте, что вырезали только то упоминание, где пресловутое слово реально означает «вульву». Именно так наше слово использовалось в кинематографе: в качестве оскорбления, а не описания гениталий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Перевод с английского И. А. Аксенова и Т. Н. Потинцевой.

2

Пер. И. Кашкина.

3

Пер. Г. Кружкова.

4

Пер. А. В. Лукьянова – stih.ru.

5

Пер. А. В. Лукьянова – stih.ru.

6

Пер. И. Багрова, М. Литвинова.

Купити: https://tellnovel.com/lister_keyt/udivitel-naya-istoriya-seksa-vzglyad-skvoz-veka-na-odnu-iz-samyh-tabuirovannyh-tem-chelovechestva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)